

О ПРАЗДНОВАНИИ 50-ЛЕТИЯ
ОВАНЕСА ТУМАНЯНА В ТИФЛИСЕ*

Ключевые слова: празднование, 50-летие, Туманян, Тифлис, 1919 г., Агаронян, Тигранян, Городецкий, Кипиани.

В феврале-мае 1919 г., более месяца в общественно-политической, культурной жизни Тифлиса происходит достопамятное событие: с большим блеском отмечается 50-летие Поэта всех армян Ованеса Туманяна. Вся общественность города – армяне, грузины, русские – широко, с воодушевлением и любовью празднуют юбилей великого гражданина. Ов. Туманян был признан и по достоинству оценен во всем своем национальном и общечеловеческом звучании. Не подготовленные заранее юбилейные торжества переросли в демонстрацию братства народов Закавказья и России, дружбы и мира между ними. Русский поэт С. Городецкий, который весьма активно содействует проведению юбилея¹, пишет: «... этот день (день рождения Ов. Туманяна. – А. З.) – праздник многих миллионов, и не только армян, но и всех закавказцев, а когда Запад просветится, то и западных людей, ибо Ованес Туманян всей своей песней, всей своей работой проповедовал верховенство всечеловеческих идеалов над национальным.

Понять Ованеса Туманяна – значит понять Армению в ее искренних идеалах мирного земного бытия, в ее стремлениях к идиллической жизни в содружестве с природой и людьми, – наперекор трагическому ходу истории»².

Грузинской поэт И. Гришашвили имел в виду именно эту деятельность Туманяна, направленную также на пресечение армяно-грузинской войны в декабре 1918 г.³,

¹ В эти годы С. Городецкий жил и работал в Тифлисе. См.: А. Закарян. Сергей Городецкий в Западной Армении и в Закавказье (1916–1921 гг.). Ереван, 2016.

² «Закавказское Слово» (Тифлис), 20. II. 1919.

³ Об этой войне см.: Армяно-грузинский вооруженный конфликт на основании фактических данных и подлинных документов. Баку, 1919; К. Сардарян. Армяно-грузинские отношения в 1918–1921 гг. Ереван, 2002 (на арм. яз.); А. Джамалян. Армяно-грузинская проблема. Ереван, 2011 (на арм. яз.); В. Арутюнян. Армяно-грузинская война (1918 г.). Материалы и документы. Ереван, 2014 (на арм. яз.); В. Вирабян. Армяно-грузинские военно-политические отношения 1918–1921 гг. Ереван, 2016 (на арм. яз.); М. Арутюнян. Армяно-грузинские отношения 1918–1919 гг. (письма, документы), сост. А. К. Сукиасян. Ереван, 2017 (на арм. яз.).

когда заявил: «Князь армянской поэзии! ... И впредь поддерживай огонь своего костра и в нем сожги тех шовинистов, которые забыли песни Саят-Новы. Пусть все знают, что несчастье одного соседа не может принести счастья другому»⁴.

Сегодня, когда празднуется 150-летие Ов. Туманяна, интересно будет обратиться к событиям столетней давности – к торжествам по поводу 50-летия поэта в 1919 г.

Нижепубликуемые материалы проливают свет на эти события. Первый – под авторством общественного деятеля, писателя Вардгеса Агароняна (перевод с армянского) – повествует о том, как в редакции тифлисской газеты «Закавказское Слово» зародилась идея отметить юбилей поэта. В последующих материалах представлены напечатанные в этой же газете стихотворение поэтессы Арменуи Тигранян (перевод с армянского С. Городецкого) и статьи С. Городецкого, грузинского писателя Левана Кипиани, В. Агароняна, посвященные жизни и деятельности Ов. Туманяна. Завершает публикацию своеобразный отчет «Закавказского Слова» о праздновании первого дня – 20 февраля 1919 г. – юбилея великого поэта⁵.

АНУШАВАН ЗАКАРЯН

– 1 –

ЕГО ЮБИЛЕЙ

До войны и до советизации Грузии в Тифлисе издавалась русская газета «Кавказское Слово»⁶, которая была самой распространенной и самой влиятельной среди русских газет Кавказа.

Хоть и русскоязычная, но она была основана и руководилась армянами. Кроме армян с газетой сотрудничали также русские, грузины и татары. Редакторами газеты были армяне, один из которых – М. Геворкян⁷, юрист, родом из Гохтана, талантливый литератор, восхищался Ов. Туманяном и был одним из его близких друзей.

Зимой 1918–19 гг. армянский раздел газеты вел я.

⁴ «Закавказское Слово», 7. III. 1919.

⁵ О праздновании юбилея Ов. Туманяна подробно см.: С. Оганесян. Юбилей Ованеса Туманяна в 1919 г. – В кн.: Туманян. Исследования и публикации. 5. Ереван, 1998, с. 125–143 (на арм. яз.).

⁶ Газета «Кавказское Слово» с 1. I. 1919 г. по 15. III. 1919 г. издавалась под названием «Закавказское Слово».

⁷ О М. Геворкяне см.: Р. Казарян. Мамикон Геворкян. – ИФЖ, 2008, № 3, с. 295–302 (на арм. яз.).

М. Геворкян помнил, что 20 февраля 1919 г. Ов. Туманяну исполняется пятьдесят лет.

И вот однажды в редакции *«Кавказского Слова»* М. Геворкян поставил вопрос о том, чтобы номер газеты от 20 февраля был полностью посвящен Ов. Туманяну. Так и решили сделать, и редактирование этого особенного номера поручили нам троим – М. Геворкяну, русскому поэту Сергею Городецкому и мне.

С удовольствием и воодушевлением мы приступили к делу.

Решили ни ему – Ов. Туманяну, ни кому-либо кроме сотрудников газеты не говорить о нашем плане и сделать любимому поэту красивый сюрприз.

В Тифлисе газеты печатались предыдущей ночью. 19 февраля я до полуночи ждал в типографии *«Кавказского Слова»*, пока не вышли в свет первые экземпляры газеты следующего дня. Я положил один экземпляр в карман и поспешил к дому Ов. Туманяна.

Добрался в полночь. В окнах кабинета Туманяна был виден свет. Значит, он еще не спал. Я позвонил и вошел.

Эта ночь была одной из тех редких ночей, когда у Туманяна не было гостей. Поэт, собрав вокруг себя свою семью, читал для них, когда я вошел и положил на стол газету.

– Что это?– спросил Туманян.

– Номер, посвященный Вашему юбилею.

– Я не помню о своем юбилее, а вы как вспомнили? Ладно, читай, посмотрю, что ты написал.

Я прочитал свою статью⁸, в которой не забыл упомянуть о некоторых привычках нашего поэта, таких, как – облачаться дома в необычные костюмы, красить домашнюю утварь, покупать книги на незнакомых языках и т. д.

– Значит, ты приходишь сюда, все вокруг подмечаешь, запоминаешь увиденное и потом обо всем этом пишешь, чтоб опозорить меня, да? Больше не переступай порог этого дома! – шутливо пригрозил Туманян, затем добавил:– Ну ладно, на этот раз прощаю, но больше так не делай. Ну, давай поцелую тебя в лоб ... Читай, посмотрим, что еще там есть.

Больше всего Ов. Туманяну понравился русский перевод стихотворения Арменуи Тигранян, посвященного ему в связи с юбилеем⁹.

... Я прочитал ему весь номер, от начала до конца¹⁰.

Ов. Туманян явно был тронут теплыми словами восхищения, любви, высказанными без исключения всеми, кто писал материалы для этого особенного номера.

⁸ Под названием «Певец родных гор» (смотри ниже).

⁹ Перевод стихотворения смотри ниже.

¹⁰ В газете об Ов. Туманяне говорится на страницах 2 и 3.

Вместе с армянами в создании этого особенного номера *«Кавказского Слова»* приняли участие также русские, грузинские и татарские писатели.

Никто из нас не предполагал, не мог предвидеть того, что произошло в течение последующих недель.

Особенный номер *«Кавказского Слова»* был искрой, которая зажгла огонь воодушевления армянского общества.

На следующий день армянские газеты Тифлиса откликнулись на впечатляющее выступление *«Кавказского Слова»*. Не прошло и нескольких дней, как армянские культурные организации и учреждения Тифлиса засуетились. «Общество армянских писателей», «Армянское издательское общество», «Армянское драматическое общество», «Армянский учительский союз», школа Нерсеян, школа Овнанян, школа Гаянян и др. – все-все, один за другим начали организовывать юбилейные мероприятия в честь Ов. Туманяна.

Ни одна организация не хотела отстать от других. Каждое учреждение, каждая организация устраивали отдельное мероприятие. Каждая организация желала видеть любимого поэта в тесном кругу своих членов.

В этом, пожалуй, была причина того, что вместо одного общего торжества было организовано множество отдельных мероприятий.

Это и было юбилеем, и не было.

Не было юбилеем, потому что никто не планировал праздновать литературный юбилей Ов. Туманяна. Не была составлена юбилейная комиссия, не была проделана в этом смысле работа или какая-либо подготовка.

Это было юбилеем, потому что праздновался день рождения не обычного человека, а народного, любимого поэта, и было естественно, что с этим торжеством была связана оценка литературной деятельности Ов. Туманяна.

Ни один тщательно подготовленный юбилей ни одного армянского поэта Кавказа не был таким воодушевленным, таким искренним проявлением уважения и любви, как не подготовленное празднование пятидесятилетия Ов. Туманяна.

Начиная с 20 февраля, целых 5–6 недель армянская общественность Тифлиса жила Туманяном.

Не было ни одного дня без какого-нибудь большого или маленького мероприятия. Ов. Туманяна буквально носили на руках.

За армянами последовали также грузины, которые чествовали нашего поэта красивым представлением.

Закончились эти мероприятия большим торжественным банкетом в роскошном Артистическом зале Тифлисского театра, где собрались армянские, грузинские, русские и татарские писатели и представители интеллигенции.

Так же, как армяне, были воодушевлены, в частности, грузины: группа молодых писателей – Т. Табидзе, И. Гришашвили, С. Оганезашвили, Г. Леонидзе и другие, были очарованы Ов. Туманяном и становились его окружением.

В эти дни никому не могло прийти в голову, что меньше чем через четыре года лира Ов. Туманяна умолкнет навечно.

И поскольку судьба распорядилась таким образом, хорошо, что день рождения любимого поэта произвольно превратился в роскошный, восторженный литературный юбилей.

Вардгес Агаронян

В. Агаронян. Ованес Туманян. Человек и поэт. Бостон, 1936, с. 159–165 (на арм. яз.).

– 2 –

ОВАНЕСУ ТУМАНЯНУ

Стихотворение Арменуи Тигранян

Что пожелать тебе могу я?
Тоску, иль грезу голубую?
Святое сердце? Поцелуй?
Вино, иль чары вешних струй?

Боль одиночества? Иль пенье?
Стальную мысль? Иль слов миленье?
Иль чувств нерукотворный храм?
Иль славу, слышную векам?

Быть может, мир души покорной,
Ко всем любовной непритворно,
Высокой, гордой и живой,
И, – если бы без печали злой!

Хочу, чтоб дали серафимы
Забвенья два крыла незримых,
Чтоб в скорби ласковая тишь
Тебя пьянила, как гашиш.

Пер. С. Городецкого

«Закавказское Слово», 20. II. 1919.

– 3 –

О МУДРОМ И НЕЖНОМ¹¹

Февраль предшествует марту. Март – месяц дионисийского безумия, весеннего наступления. Но безумству вещей пифий предшествует мудрость нежных сердцем, знающих тайну земли, с землей не разлученных, ею вскормленных богатырей, рожденных до трагедии раздора между небом и землей, и потому необычайно цельных, ясных, от юности седых и в седине сохраняющих взор ребенка. Их месяц февраль, и Ованес Туманян родился в феврале.

Должно быть, этот день – 7–20 – февраля был праздником; если не для всех еще людей, то для природы: ведь она знала, *кто* родился, и какие песни таились в первом крике новорожденного. Быть может, предчувствовали это и в тихой сельской семье, которую осчастливила природа таким ребенком.

Теперь этот день – праздник многих миллионов, и не только армян, но и всех закавказцев, а когда Запад просветится, то и западных людей, ибо Ованес Туманян всей своей песней, всей своей работой, проповедовал верховенство всечеловеческих идеалов над национальными.

Понять Ованеса Туманяна значит понять Армению в ее исконных идеалах мирного земного быта, в ее стремлениях к идиллической жизни в содружестве с природой и людьми, – наперекор трагическому ходу истории.

Его язык – язык его народа, и надо быть иностранцем, чтобы оценить музыку его стихов, все эти переливы женственных, налитых синим воздухом гласных и мужественно звучных красных согласных.

Его образы – это те же цветы, произвольно вырастающие на лоне щедрой земли.

Его поэзия – ни в коем случае не литература – в дурном смысле этого слова. Не от ухищрений эстетизма, не из литературных теорий вырастают его стихи, а из бессмертных недр живого языка, никогда неиссякающих.

Его творения – это памятник исторических страданий Армении и обет ее богатого будущего.

На грани двух эпох судьба поставила его, мудрого и кроткого.

¹¹ Эта статья С. Городецкого ранее несколько раз была опубликована (см.: Дружба. Статьи, очерки, исследования, воспоминания, письма об армяно-русских связях. Сост. и автор вступит. очерка А. Арзуманян. Кн. 2. Ереван, 1960, с. 335–339; С. Г о р о д е ц к и й. Об Армении и армянской культуре. Под ред. и с предисл. академика АН АрмССР Г. Б. Гарибджаняна. Сост. и коммент. И. Сафразбекян. Ереван, 1974, с. 92–95; С. М. Г о р о д е ц к и й. Последний крик. Предисл., сост. и коммент. И. Сафразбекян. Ереван, 2010, с. 259–266). Но так как в них имеются неточности и разночтения, мы сочли необходимым опубликовать статью в ее первоначальном виде.

В легендах своего народа черпал он силы для того, чтобы изображать его тяжелое настоящее так, чтобы сквозь повесть мучений звучала музыка надежды.

Его оптимизм – не поверхностное прекраснотушие, а истинное тайноведение.

Он рожден исполнить таинственное и все больше забываемое в современных культурах призвание поэта – быть вещим, быть пророком, быть ясновидцем.

И оттого – так много помня, так много зная – он такой нежной пламенеет к людям любовью.

Придя к нему издали, впервые, и только прикоснувшись к его душе, – сразу чувствуешь его родным, извечно близким.

И отсюда же, из той же мудрости происходит его очаровательная ирония, всепрощающая ласковая улыбка его стихов, которой он смягчает горькие выводы своего ума из наблюдений над человеческой жизнью.

Рано-рано, в школьном возрасте он уже знал о противоречиях между мечтой и действительностью и уже был убежден в непобедимости мечты.

Тогда, в ту пору, будучи школьником, в Джалал-Оглах, он влюбился в сверстницу.

Донесли директору, директор велел следить: любовь мешает ученью. И маленького Туманяна поймали за стихами. Конфисковали стихи – оттого они и уцелели, эти милые строки:

Души моей половинка,
Сердца моего серединка!
Не бойся, не беспокойся!
Уроки скучные готовь,
Но знай, что есть у нас любовь.
И разве будет кто дивиться,
Моя голубка-голубица,
Если юноша учится,
А сердце его любовью мучится?

Когда наш поэт рассказывал мне об этом эпизоде и вспоминал эти строки, светлой радостью светилось его лицо, и говорил он о том, что юность кажется ему недавним днем, и сам был, в своей прекрасной седине, редко юным.

Эту тайну юности знают только люди, не оторванные от народа, органически с ним связанные.

Таков Ованес Туманян.

И глубоко народными были его стихи с ранней юности.

Одновременно с приведенным выше стихотворением он писал и другие, на народные темы, но все они пропали.

Таким же было и первое его печатное стихотворение (1889 г.) «Кот и Собака», теперь всем известное, но тогда не сразу понятное.

Принес его Туманян к редактору журнала «Мурч» Арасханяну. Прочел редактор и говорит:

– Ва! Что это такое? Это вы писали? Какая же связь между кошкой и собакой – и поэзией? Идите, идите!

Смутился поэт.

Не включил стихотворения в первый том своих стихов: оно вошло только во второй.

Но вскоре все его знали наизусть, и редактор удивился, как он не понял сразу.

А стихотворение вошло в народ.

Ехал Туманян с доктором Будугьяном в Боржом. Будугьян стал утверждать, что нет ни одного мальчика, который бы не знал «Кота и Собаки». Автор отрицает такую популярность своего стихотворения. Стали держать пари, остановили фаэтон, подзывают первого попавшегося мальчика.

– Скажи «Шун - у - Кату»!

Мальчик смеется, не говорит. Туманян утверждает, что выиграл пари: его стихов не знают. Но Будугьян настаивает на своем, уговаривает мальчика, дает ему серебро.

И мальчик начинает говорить стихи: поэт проиграл пари.

Этот эпизод показывает, как глубоко народны корни поэзии Туманяна.

И как природа не щадит своих сокровищ, так и наш поэт относится к своим творениям.

Список неизданных, погибших его произведений очень велик.

В девяностых годах Туманян написал свою поэму «К вечному», которую многие считают главным его произведением.

Но издана только первая часть ее.

Вторая часть погибла, и как показывают обстоятельства ее гибели – к великому сожалению ценителей искусства.

Дело было так.

Написав вторую часть, Туманян прочел ее друзьям. В первой части описана смерть Хасмик и похоронные обряды.

Для второй части поэт собрал много материала из деревенских легенд на тему погребения мнимоумерших. В каждой деревне существуют рассказы о том, как кого-нибудь похоронили живым.

И вот, во второй части описывалось, как покойница, Хасмик, зарытая живой, начинает приходить по ночам к мужу, и в третий раз приходит с окровавленной грудью. Муж ее идет на кладбище, но уже издали видит, что на могиле что-то белеется: в нее вбили осиновый кол.

Эта вторая часть поэмы произвела на слушателей слишком сильное впечатление. И вот, чтобы не тревожить воображение читателей, автор, по совету Леона Шанта, уничтожает эту часть поэмы. Таким образом армянская литература лишилась нескольких заведомо сильных страниц.

И не одну эту поэму постигла такая участь. В молодости Туманян написал около 13 поэм, а осталось из них только три или четыре. Многие погибли во время обысков 1905–1907 гг.¹²

Еще более безжалостно поэт отнесся к своей драматургии. Им написано несколько драм: «Артавазд» – на историческую тему, «Хамлик» – на сюжет из современной жизни, драма из деревенской жизни (отрывки уцелели в Лори), «Одинокая девушка» – из современной жизни, с индивидуалистическим сюжетом, как показывает заглавие.

И все это уничтожено.

Так может поступать только поэт с неиссякаемым запасом творческих сил.

И этот переизбыток творчества присущ Туманяну.

Он не зависит от каприза муз, его лира всегда звучит в его сердце, и это делает его, отличного писателя, обаятельным человеком. Ему чужда всякая скудость. Он в простой беседе рассыпает жемчуга, как волшебник, не знающий своих сокровищ. И его поэзия – органическая часть его жизни. У него, в последние годы, есть несколько красиво переплетенных записных книжечек, стоящих в общей коробочке, как на полке. Каждая посвящена одной из дочерей. (А раньше драмы свои он называл именами сыновей). И на этих маленьких страничках он записывает четверостишия – истинные перлы поэтической мудрости, подлинный мед своих мыслей. Для нас эти лаконические строки – квинтэссенция поэзии. Для него – один из летящих миггов, один из многих. А сколько таких миггов скрыто в нем, таятся ни для кого незримо и неслышимо? О, если б он был к себе заботливей и бережливей к своим сокровищам! Теперь уже пришла для него та пора, когда каждое его слово – национальное достояние. Ведь никто не возвратит нам сожженных драм и поэт, так пусть же он не отнимает у своих читателей того, что теперь может подарить. Золотая плодотворная осень пришла для него. Не осень упадка, а осень огненных плодов и сверкающих листьев. Полвека – чудесный рубеж, откуда видно больше, чем со всех других граней человеческой жизни. К тому же, несмотря на все несчастья, и для Айастана подходит плодотворная пора, что не может не отразиться в сердце национального поэта. И новых откровений, новых вещей песен радостно ожидает от Ованеса Туманяна каждый знающий его, посылая ему сегодня благословляющий привет.

Сергей Городецкий

¹² Речь идет об армяно-татарских (азербайджанских) столкновениях, в прекращении которых весьма активное участие принимал Ов. Туманян, за что царское правительство (которое само провоцировало эти события) преследовало поэта.

«Закавказское Слово», 20. II. 1919.

– 4 –

НЕРАЗРЫВАЕМЫЕ ЗВЕНЬЯ

Сегодня армянское общество и печать Кавказа празднуют 50-летие со дня рождения поэта Ов. Туманяна.

Этого рыцаря благородной идеи единения народов Кавказа. Этого пылкого юноши, убеленного так ему идущую сединой, сединой, которая его нисколько не старит.

Ованес Туманян.

Порою кажется, что это – гибкий тростник, выросший в горах и временно лишь покрывшийся налетевшими снежинками, тростник, подаривший родине своей столько звучных и благоуханных песен. И что достаточно ему встряхнуться – и снежинки слетят с него и обнажат юную поросль его.

Но порою – прислушаешься, вспомнишь – и звучат перед тобою мудрые речи провидца переживаемых Кавказом и целым миром событий – речи, дышащие мощью седой, многовековой мудрости. И тогда кажется, что эта седина, покрывающая голову поэта с почти юным лицом, – вполне уместна и своевременна.

Сегодня и мне хочется сказать поэту Ов. Туманяну свое слово теплого привета.

И я думаю, что лучшее, что мог бы я ему сказать – это будет моя «Арабеска», посвященная *неразрываемым звеньям единения* двух народностей Кавказа – армян и грузин – их артистическим силам, *их двум театрам – грузинскому и армянскому*.

Процесс разъединения двух народов идет исподволь и давно, расширяясь и углубляясь, благодаря усилиям *темных* сил, увы, очень часто таящихся среди самых *светлых* слоев населения, среди его интеллигенции.

Процесс этот нанес уже громадный ущерб культурной целостности двух соседей, он разорвал когда-то крепкие и прочные узы дружбы и любви, соединявшие эти два народа, он развеял по ветру множество благоухающих цветков культурного сотрудничества их.

Но одного не удалось еще сделать ему:

Разъединить тех людей, которые в течение полустолетия стоят во главе двух дворцов Мельпомены – двух театров – грузинского и армянского. Не удалось князю Тьмы бросить еще и в эту семью своих семян вражды и разъединения.

И с самого основания этих двух театров и до наших дней – две эти артистические семьи свято хранили и до сих пор продолжают хранить чистые заветы старой

кавказской дружбы, старого кавказского куначества, еще не подвергшегося разъедающему влиянию партийно-националистической ржавчины.

И с первых дней основания туземных сцен, и доныне – между артистами армянской и грузинской сцены существуют ничем неразрываемые звенья чистых и добрых отношений. Должен, однако, оговориться: хранителями этих звеньев являются исключительно почти старики-ветераны этих двух сцен. Молодежь наша ныне иная, держится подалеже от искусства, поближе к политическим лозунгам, и даже чаще к дешевому политиканству. Рогатки и перегородки узкого национализма старается она переставить ближе к рампе, нисколько не стесняясь внушительных и недовольных окриков богинь и муз чистого искусства. Не стесняясь этих окриков, быть может, главным образом, вследствие неумения и неспособности понимать уже язык этих муз и богинь ...

Рано угасшая звезда Адамяна одинаково ярко светила в артистической семье двух народов. И если сам Адамян стоял несколько дальше от современных ему грузин, то это объясняется исключительными свойствами натуры самого артиста. Но зато Перосяц¹³, Чимишкян, Абеян и в особенности Тер-Давтян и Араксян – всегда были ближайшими друзьями Василия Абашидзе, Марии Сапаровой, Габунии-Цагарели, Черкезовой, Алексеева-Месхиева, Гунии и других столпов грузинской сцены.

Интересная страничка вписана в историю грузинского театра.

В 1878 году молоденькая Мария Сапарова, кахетинская армянка, засияла яркой звездочкой на фоне нарождавшегося тогда грузинского драматического искусства. Соседи армяне не могли не заметить этого яркого таланта. И, конечно, радовались, ибо в те дни редкий тифлисский армянин не посещал грузинских спектаклей. Но, радуясь таланту артистки, армянам хотелось видеть Марию Сапарову и на своей родной сцене. Это так понятно. Но Мария Сапарова не знала по-армянски ни слова. И любители армянского драматического искусства предложили молодой артистке учителя армянского языка в лице артиста Сукиасяна. Артистка согласилась, и уроки начались; но ученица оказалась, увы, неспособной к восприятию армянского языка.

Это обстоятельство, понятно, не охладило нисколько отношений армян к грузинам. Сапарова (впоследствии жена Васо Абашидзе) сделалась яркой звездой грузинской сцены, передав свой талант дочери своей Тасо Абашидзе.

Между прочим, упомянутый выше артист Сукиасян нередко выступал на грузинской сцене в характерных ролях*)¹⁴.

¹³ Должно быть – Петросян.

¹⁴ В газете «Закавказское Слово» от 23 февраля 1919 г. под заглавием «Арабески» в статье «Вильсон о правителях» Лев. Кипиани пишет: «P. S. В фельетоне моем «Неразрываемые звенья» вкралась досадная ошибка, касающаяся арм. артиста Сукиасяна. Вопреки моей заметке – в статье Г. М. Туманова об этом артисте было упомянуто в первой части статьи почтенного

Одним из видных живых звеньев единения двух сцен был покойный Сундукянц и его интеллигентная супруга, к тому же прекрасно владевшая грузинским и разговорным и литературным языком.

При переводах пьес Сундукянца на грузинский язык ему много помогал Василий Абашидзе своим знанием сцены, языка и быта. Что касается постановки этих пьес на грузинской сцене, то сам Сундукянц руководил делом каждой постановки, зная прекрасно каждого артиста и размеры его художественных возможностей.

И из армян драматургов Сундукянц стоял к грузинской артистической семье ближе других. И он был последний из стоящих к ней так близко. Впрочем, у драматурга Ширван-Заде много дружественных уз, тесно связывающих его с артистами-грузинами.

Этот человек стоит в той же цепи неразрываемых звеньев нашего единения, о которых я решил сегодня заговорить, посвящая одну из первых моих возобновляющихся «Арабесок» дорогому поэту, рыцарю благородной и чистой идеи единения народов Кавказа – Ованесу Туманяну.

Этому пылкому юноше, убеленному так идущей ему мудрою сединой.

Лев. Кипиани

«Закавказское Слово», 20. II. 1919.

– 5 –

ПЕВЕЦ РОДНЫХ ГОР

Там, где стремительный Дебет-чай день и ночь без устали бьется в теснинах, и громоздящиеся друг на друга скалы подходят к краям обрывов и глядят в бездну, в самом сердце древнего Гугарка, на одном из поднебесных плато гнездится одна армянская деревня.

Воздух там чист и нежен, солнце туда посылает свои первые лучи, ночью там звезды ярче горят.

Крестьянские хаты, словно гнезда горных орлов, прилипли к скалам, а над ними еще выше в лазурь вздымаются горные вершины гор Гугарка.

Кругом все дышит армянской стариной.

Из-за каждой скалы, из каждого ущелья выглядывают то обломки дворца или замка, то свалившийся купол храма, то заросшая мохом старинная мостовая дорога.

автора, мною, к сожалению, недостаточно внимательно просмотренной» [речь идет о статье Г. Туманова «Армяне на грузинской сцене (посвящается памяти Г. Мирагиана), см.: «Закавказское Слово», 13. II. 1919].

Деревня эта, отныне дорогая сердцу каждого грамотного армянина – Дсех, где в семье священника Тер-Тадеоса 7–20 февраля 1869 года родился поэт родных гор и родной армянской старины Ованес Туманян.

Детство будущего поэта земли армянской до 10-летнего возраста прошло среди природы, полной волшебных звуков, гор и лесов и чарующей прелести прошлого армянского народа.

Под родным кровом маленького Ованеса окружала беднеющая дворянская семья. Род Туманян по преданию восходит к знаменитому в истории Армении нахарарскому дому Мамиконян. И переходившие из поколения в поколение традиции владетельного аристократического дома передались семье отца Тадеоса.

И отец Тадеос, отпрыск впадающего постепенно в бедность дворянского дома, сохранил лучшие традиции дворянского дома. Так, каждый раз при порче какой-нибудь дороги или моста около деревни, отец Тадеос первый заявлял крестьянам, что он берет на себя исправление попорченной дороги или разрушенного моста.

Noblesse oblige, это его обязанность и право дворянина, и пусть сельский сход не беспокоится об этом!

Конечно, отцу Тадеосу, такому же небогатому сельскому обывателю, не под силу сопряженные с такими заботами расходы, и в конце концов сельскому обществу самому приходится брать на себя заботу о ремонте дорог и мостов, но, однако, это не мешает ему при следующем же случае опять заявлять о своем преимущественном праве и желании исполнить общинную повинность. До сих пор еще существуют около Дсеха остатки начатых им, но недостроенных мостов. Дом отца Тадеоса известен во всей округе своим гостеприимством. Это один из тех домов, мимо которых не может пройти ни один странник или путник, не изведав его хлеба и соли. Доброта отца Тадеоса вошла в поговорку. Нередко по ночам домашние обнаруживали на добром священнике отсутствие белья. Из расспросов, на которые отец Тадеос неохотно отвечал, выяснялось, что его рубашка понадобилась деревенскому нищему Аракелу или Саркису.

Строгая попадья Соня этого не любила, и отцу Тадеосу приходилось пользоваться для своих щедрых деяний отсутствием жены из дому. При этом деятельное участие в работе отца принимал сын – Ованес. Мальчик простаивал у дверей дома снаружи на часах в то время, как отец Тадеос поспешно опорожнял мешки и чучали с мукой и пшеницей, которые раздавал беднякам.

В свободные от работ вечера отец Тадеос любил играть на чонгуре, к звукам которого прислушивался его старший сын – Ованес.

Дома поэт рос в этой моральной среде, положившей неизгладимую печать на душу впечатлительного ребенка.

Вне дома могучая горная природа рождала в нем образы, один прекрасней и пленительней другого. Остальное дополняли рассказы дяди Исяя, от которого

Туманян слышал лучшие легенды, предания и сказки, послужившие сюжетами будущих его творений.

Грамоте маленького Ованеса учил вначале дядя Григорий. Он и теперь жив, седой старик.

Позднее Ованеса отдали в открывшуюся в Дсехе сельскую школу. Пробыл он в ней до 10–11-летнего возраста.

Первые поэтические упражнения Туманяна относятся к этому периоду его жизни.

В 1878 году, после русско-турецкой войны по армянским деревням ашуги пели сложенную в честь Лорис-Меликова песню. Будущему поэту песня эта понравилась, и он от себя присочинил к ней еще ряд куплетов.

Будущего народного поэта оценил первоисточник его будущей поэзии и первый его критик – простой армянский народ, который стал распевать присочиненные к песне 9-летним Туманяном куплеты.

В 11–12 лет Туманян уже исписывает стихами целые тетради.

В 1883 году отец Тадеос привез сына в Тифлис и отдал его в армянскую духовную Нерсесян семинарию. Однако Ованес семинарию не любил и, пробыв в ней три года, в 1886 году оставил ее, не окончив курса. Из всех предметов, преподававшихся в семинарии, поэт любил только историю и главным образом армянскую словесность. И теперь оставив школу, он предался чтению. Однако, в те годы любознательному читателю-армянину очень трудно было утолить свой духовный голод на родном языке. Первым изданием, попавшим в руки Туманяна, были номера выходящего тогда в Москве знаменитого журнала «Юсисапайл» («Северное Сияние»). В них Туманян зачитывался творениями Ст. Назаряна и Мик. Налбандяна. Позже в его руки попали Пушкин и Лермонтов, которых, в особенности первого, Туманян очень любил. За Пушкиным и Лермонтовым последовал Шекспир, которым наш поэт зачитывался и которого так обстоятельно изучал, что несколько позднее посвятил разбору и критике Шекспира, и в частности Гамлета, довольно обширный труд на столбцах журнала «Тараз»¹⁵.

В 1887 году Туманян поступил на службу в армянскую консисторию в Тифлисе, в качестве писаря, на жалованье в 16 руб. 66 к. в месяц.

В этот период Туманяном написаны две его лучшие вещи – «Кот и Собака» и поэма «Ануш».

Однако, поэт недолго оставался на этой службе. На второй год его исключили со службы за написанное им на епархиального начальника епископа Мамбрэ

¹⁵ Имеется в виду напечатанная в еженедельнике «Тараз» за 1896 г. (№ 40, 41, 43, 44, 45) в разделе «Библиография» рецензия на книгу «Гамлет». Трагедия Шекспира». Перевод с англ. Ованес хан Масейян. Изд. Тифлисского армянского издательского общества, 1894 г., Тифлис.

сатирическое стихотворение. На этом и закончилась вся служебная карьера поэта. После этого Ов. Туманян всецело отдался литературе.

В декабре 1888 года Туманян женился на тифлисской армянке Ольге Мачкалян и окончательно обосновался в Тифлисе.

В 1890 году в Москве был издан первый томик его стихотворений, а в 1892 году вышел второй томик.

В этих двух небольших томах Туманян дал большую часть тех своих произведений, которые в позднейшем создали его литературную славу, как то «Ануш», «Сако в Лори», «Кот и Собака», «Ахтамар» и др. Лишь некоторые из этих произведений до конца остались в первоначальной редакции, большая же часть их была переработана поэтом подчас до неузнаваемости. Сличение первого издания произведений Туманяна 1890 г. с позднейшим изданием 1900 г. показывает, как вырос и углубился за эти 10 лет талант Туманяна.

В 1895 году Туманян задумал основать литературный кружок молодых писателей-армян в Тифлисе. Нужда в таком кружке, где молодые силы армянской литературы могли бы прийти в общение, как нельзя сильнее чувствовалась в этот период.

Представители новой армянской литературы и публицистики Арцруни, Р. Патканян, Раффи, Церенц и др. уже сошли или постепенно сходили в могилу. Вместе с ними сходила со сцены та национальная тенденция, которая так ярко проявлялась в их произведениях, Родина, Армения, многострадальный армянский народ – этими словами пестрело каждое из их произведений, но в этих произведениях не было видно подлинного лика армянского народа. Нарождалась новая поэзия, черпающая свои мотивы из народной жизни и выявляющая подлинный лик народа в произведениях новых поэтов – Ов. Туманяна, Ав. Исаакяна, Л. Шанта и др., которые уже появились на литературном горизонте, но не успели еще завоевать подобающего места.

Создание такого кружка Ов. Туманяном в девяностых годах не удалось и лишь спустя пять лет, в начале девяностых годов¹⁶, вокруг Туманяна собралась большая часть лучших новейших армянских поэтов.

Кружок этот собрался на квартире Туманяна, причем высокая квартира поэта в четвертом этаже дала повод назвать комнату собраний поэтов «Вернатуном» («Горница»). Здесь собирались Ов. Туманян, Л. Шант, Ав. Исаакян, Дереник Демирчян и Н. Агбальян. В литературных беседах, затягивавшихся иногда до рассвета, принимал участие покойный Г. Агаян, которого связывала с кружком его личная дружба с Ов. Туманяном.

Старика Агаяна на этих литературных собраниях называли патриархом за его годы и могучий рост, Ов. Туманян за его увлечение Шекспиром и многочисленную семью (у него десять душ детей) был прозван Шекспиром, увлекающегося творениями Ницше

¹⁶ Точнее – в 1899 г.

А. Исаакяна окрестили Ницше, Л. Шанта за его заостренную бородку называли Гейне, страстного поклонника Байрона Д. Демирчяна прозвали Байроном, а литературного критика Н. Агбальяна Брандесом.

Кружок этот сыграл огромную, еще недостаточно выясненную и недостаточно оцененную роль в развитии новейшей армянской поэзии.

Все принципы новейшей армянской поэзии подвергались здесь обсуждению и потом воплощались в образы в произведениях участников этого кружка «Вернатуна». И душой и вдохновителем кружка являлся Ов. Туманян.

Кружок просуществовал два-три года¹⁷. К тому времени Ов. Туманян прочно занял подобающее ему место в новейшей армянской поэзии. Несмотря на холодный прием, оказанный сборнику его произведений, общество само непосредственно, так сказать, в обход официальной критики, оценило и полюбило поэзию Ов. Туманяна.

И с тех пор ничто уже больше не мешает росту славы и влиянию пера поэта земли армянской.

Ов. Туманян один из тех редких талантов, которые творят не только в своих произведениях, в стихах, но и всей своей жизнью.

Туманян вкладывает свою душу во все, что он делает. Он в состоянии увлечься и произведениями искусства и красивыми безделушками. В этом маститый поэт напоминает большого ребенка. У него постоянно какая-нибудь страсть – сегодня он страстно увлекается фотографией, завтра резьбой по дереву, а послезавтра рисованием. Пишущий эти строки года два тому назад, придя на квартиру Туманяна, застал его в рабочем костюме, в белом халате, окрашивающим книжные шкапы и спинки стульев.

Домашние объяснили мне, что поэт нашел случайно какой-то порошок, который дает возможность очень легко окрашивать предметы в бронзовый цвет. Эта работа так увлекла Туманяна, что он недели две отдавался ей со всей страстью и успокоился лишь тогда, когда в его квартире все лампы, дверцы шкафов, спинки стульев и пр. были выкрашены в бронзовый цвет.

Туманян – великолепный рассказчик, и слушать его, когда он рассказывает из жизни армянской деревни и из армянской старины, это – такое же эстетическое наслаждение, как и читать его прекрасные стихи.

А кто не слушал его, кто не бывал в его гостеприимном доме? Он принес с собой из деревни в город гостеприимство отцовского дома и не садится за стол без гостя.

В его простой, образной речи звучит вся его любовь к простому армянскому народу, вся боль за переносимые этим народом страдания и вся вера в будущее родного народа.

¹⁷ Прекратил существование в 1904 г. О «Вернатуне» подробно см.: С. Оганесян. «Вернатуна». Ереван, 2018.

И поэзия Ов. Туманяна, и личность его – это книга о прошлом, настоящем и будущем армянского народа. Воспев в легендах и сказках величие прошлого, в поэмах и стихах жизнь армянского крестьянина в настоящем с его горестями и печалью, он устремил свой ясный взор вглубь грядущего, когда в освобожденной от ига тиранов родине народятся новые поэты, «не осквернившие своих уст проклятием» и «воспоют новыми словами, новыми песнями новую родину, могучую родину».

И теперь, в день пятидесятилетия поэта, на заре возрождения армянского народа мы можем пожелать нашему поэту только одного – это долгой жизни, чтобы он своими глазами видел новое поколение поэтов, исполняющих его завет и воспевающих его «новую и счастливую родину».

Вард. Агаронян

«Закавказское Слово», 20. II. 1919

– 6 –

О КАПЛЕ МЕДА

Праздник в честь Ованеса Туманяна совпал с весенним возрождением природы, с первыми вешними ласками солнца, с первыми вешними тонами просветлевшего неба.

И весь этот праздник, с вереницами чистых сердцами детей, с их приветствиями, в которых сочеталась ясная вера с ясною и искренней любовью к прекрасному, все или большинство приветствий взрослых, – которые на этот, по крайней мере, день совершенно отрешились от песен и плясок дней нашей жизни, и тоже, в искренности порыва к поэту, уподобились чистым и ясным детям, – весь этот праздник по своему духу, колориту и деталям, – иначе, как *весенним праздником духа*, не может и быть назван.

Праздником любви, праздником культа чистых и благородных идей *поэта единения*, праздником властных, быть может, и бессознательных, но властных порывов к иной, лучшей, менее звериной и более *человечной* жизни. Праздником, когда так ярко сказалась потребность выхода из <1 слово неразборчиво> совершенно расшатанной в своих устоях человечности кавказской жизни к высотам духовного единения людей-братьев, из постоянно насыщенной недоверием и ненавистью атмосферы – к чистому озону любви и веры в человека.

Я хочу остановиться на тех из массы приветствий, принесенных дорогому поэту, которые *сейчас* для нас, кавказцев, имеют громадное моральное значение.

В этих приветствиях хочется видеть не случайное проявление чувства, не вспышку любви, не красивый фейерверк признательности, – а нечто глубокое и вечное, нечто

такое, что должно принести двум соседним народам, одинаково настрадавшимся и изголодавшимся, одинаково истосковавшимся по лучшим формам человеческих взаимоотношений, – если не самое счастье, то начало его.

От главы грузинского правительства Ноя Жордания была получена поэтом О. Туманяном следующая телеграмма:

«Поздравляю с пятидесятилетием дня рождения благородного певца единения народов Кавказа и пожелаю в дальнейшем шествия по этой раз избранной дороге».

Правда – телеграмма несколько, если можно так выразиться, *голая*, и все в рамках официального холодка, но это объясняется, как мне кажется, тем position, которое, во всех случаях жизни, *oblige*. А отчасти и свойствами натуры Ноя Жордания, не всегда обнаруживающего скрытых под внешним холодком теплых чувств.

Иного характера приветствие министра иностранных дел Е. П. Гегечкори.

«Позвольте и мне, одному из почитателей Вашего таланта, принести свои искренние поздравления. Пусть думают многие, одни с сокрушением, другие с затаенной радостью, что семена вражды и ненависти, в изобилии семена на родной нам почве, дают в данный момент богатую жатву. Пройдет ненастье, расчистится атмосфера, и «одна капля меда» превратится в живительный источник братства и единства наших народов».

Тут чувствуется горячий порыв человека, временно поставленного в тиски создавшихся националистических условий, но в глубине души остающегося все тем же борцом за интернациональные идеалы.

Да, семена вражды и ненависти, семена в изобилии на родной нам почве, – дают сейчас, несомненно, богатую жатву. Этого отрицать нельзя. Это даже не ненастье, это горе и несчастье двух народов. Е. П. Гегечкори, констатируя это, высказывает уверенность в том, что *атмосфера расчистится*, и одна капля меда превратится в живительный источник братства и единства наших народов.

Надо только тщательно беречь и охранять эту одну драгоценную каплю меда от людей, любящих лакомиться *таким медом*, не с кулинарно-гастрономическими целями, а с несколько иными.

Еще энергичнее, хотя и несколько суше – высказался м-р вн. дел груз. республики Ной Рамишвили:

«Горячо приветствую в вашем лице печальника и певца двух братских народов. Временное омрачение умов не остановит триумфального шествия царства любви и солидарности народов».

Тут характерно определение печального явления.

– *Временное омрачение умов* – называет Н. Рамишвили болезнь националистического ослепления своей родины.

Но, как и Е. Гегечкори, глава мин-ва внутр. дел видит, что это омрачение умов не остановит триумфального шествия царства любви и солидарности народов.

Слова в устах человека, делающего внутреннюю политику, не только просто знаменательные, но и многозначительные.

Теплом веет от приветствия газеты «Сакартвело», которая, устами поэта Табидзе – тоже говорит об укреплении идеи солидарности народов.

И в этот весенний день, в этот день весеннего праздника поэта – с радостью забываешь обо всех шагах, которые делались за все эти тяжелые годы людьми с омраченными умами, обо всем, что делалось, говорилось и писалось не во славу идеи единения, а в угоду духу тьмы.

Будем драгоценную каплю меда беречь, ибо в ней залог грядущего счастья двух соседей народов.

Лев. Кипиани

Р. С. Я кончал эту статью, когда в редакцию принесли текст приветствия Ованесу Туманяну, подписанного молодым поэтом Гришашвили. Как все, что пишет этот поэт, и это приветствие носит на себе печать истинной красоты.

Но есть, помимо присущих этому поэту перлов стиля, в приветствии нечто удивительно верное и вещее.

Это мысль:

– Несчастье одного соседа не может принести счастья другому.

Л. К.

«Закавказское Слово», 26. II. 1919.

– 7 –

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ ОВ. ТУМАНЯНА

20 февраля торжественно отпраздновано 50-летие со дня рождения армянского поэта Ов. Туманяна.

С раннего утра поэту на его квартире в Вознесенской ул. стали приносить свои поздравления представители литературы, искусства, друзья и поклонники его таланта. Первыми принесли свои поздравления армянские писатели Ширванзаде, Папазян, Лео, Нар-Дос и Дереник Демирчян.

В 12 час. к дому Туманяна подошла Тифлисская III армянская мужская гимназия в полном составе. В процессии участвовали все ученики и педагогический персонал гимназии, во главе с ученическим оркестром музыки. Педагогический совет в полном составе поднялся на квартиру, где от имени учащихся архимандрит Беник приветствовал поэта прочувствованной речью. После этого Туманян спустился на

улицу к учащимся. Оркестр заиграл армянский национальный гимн. Ученики встретили любимого поэта восторженными криками «ура». Один из учеников от имени всех своих товарищей приветствовал Туманяна речью. Другой ученик великолепно продекламировал прелестное стихотворение юбиляра «Старое благословение». Расчувствованный поэт в трогательных выражениях благодарил учащихся. Снова раздались восторженные крики «ура», поэта подняли на руки и под звуки музыки понесли по рядам.

В таком же порядке чествовали поэта также армянская гимназия Лисициан и армянки учащиеся III женской гимназии.

Лично посетили поэта и принесли свои поздравления председатель парламента Армении А. Саакян, члены армянской европейской делегации¹⁸ М. И. Пападжанов и ген. Корганов, а также армянская делегация армяно-грузинской конференции в полном составе, артисты армянской сцены и художники армяне, причем художники Татевосян и Шарбабчян преподнесли ему картины своей работы.

Редакции изданий «Арач», «Мшак», «Жоговурди Дзайн», «Гехарвест» и «Агбюр Тараз» принесли свои поздравления через представителей. От газеты «Северный Кавказ» принес поздравления Г. Диасамидзе. Редакция газеты «Закавказское Слово» посетила поэта в полном составе.

Поэта посетили и принесли свои поздравления А. А. и С. М. Городецкие, мусульманский литератор, член парламента Грузии Абдурахман-бей Ахундов и армянские поэтессы Арменуи Тигранян, Лейли, а также главноуполномоченный американского комитета помощи капитан Джемс Арроль. Прислали своих представителей или приветственные адреса «Общество писателей армян»¹⁹, «Союз женщин армянок», «Армянское драматическое о-во», «Союз армянских землячеств», «Бюро по исчислению потерь армян. народа за время всемирной войны»²⁰ и «Союз кооперативов Армении».

Делегация от тифлисского цеха поэтов²¹ в составе А. Кулебякина²², Ю. Данцигера и Н. Бел-Конь Любомирской поднесла Туманяну адрес следующего содержания:

¹⁸ Имеется в виду делегация на Парижской мирной конференции 1919 г., составленная правительством Республики Армения под председательством А. Агароняна.

¹⁹ О деятельности общества см.: С. О г а н е с я н. Туманян и Кавказское общество армянских писателей. Ереван, 2007 (на арм. яз.).

²⁰ О деятельности Бюро см.: Потери армянского народа в годы Первой мировой войны (сборник документов и материалов «Бюро по установлению потерь армян от Всемирной войны»). Сост., автор предисл. и примеч. Анушаван Закарян. Ереван, 2005 (на арм. и русск. яз.).

²¹ О цехе поэтов см.: А. Закарян. Тифлисский «Цех поэтов» Сергея Городецково и сборник «Акмэ». Ереван, 2011.

«Тифлисский цех поэтов сегодня, в день вашего пятидесятилетия, обращает к вам свои восторженные голоса. Ваш праздник является не только народным праздником вашей многострадальной родины, но и днем великой радости для всех поэтов, чествующих в лице вас высокого жреца вселенского слова. Не в призрачной красоте звуков, не в сладостном бряцанье лирных струн видели вы призвание поэта. Нет! Вам всегда дорог был завет любимого вами Пушкина: «Глаголом жги сердца людей». И сколько раз в эти тревожные годы ваш голос звучал, как совесть человечества! Великого гуманиста, мощного сердцем пророка приветствуем мы в вас сегодня и славим».

От представителей правительств республики Грузии и Армении были получены следующие телеграммы ...²³

От м-ра юстиции Армении С. Арутюняна:

«Шлю сердечное поздравление горячему проповеднику мира и любви, и братства народов с пожеланием здоровья и долголетия».

В течение дня у поэта перебивал почти весь артистический и литературный Тифлис и многочисленные друзья и поклонники. Вся квартира его была заставлена подношениями и цветами. Праздник затянулся до позднего вечера, и только обязательное постановление генерал-губернатора заставило гостей оставить к 12 часам ночи чарующее общество дорогого юбиляра.

«Закавказское Слово», 22. II. 1919.

²² О генерале-поэте А. Кулебякине см.: А. Закарян. Александр Кулебякин и Армения. Ереван, 2003.

²³ Так как в предыдущем материале – статье Л. Кипиани «О капле меда», подробно представлены телеграммы представителей правительства Грузии Н. Жордания, Е. Гегечкори, Н. Рамишвили, здесь тексты этих телеграмм не приводим.